

«Отщепенство» как утопия нигилистической общественной мысли России во второй половине XIX в.

(к 180-летию со дня рождения Н.В. Соколова)

Леонид Александров

Статья посвящена судьбе и творчеству Николая Соколова, полузабытого публициста журнала «Русское слово» и автора запрещенной цензурой, но немало нашумевшей в общественной жизни России и русского зарубежья книги «Отщепенцы», ставшей манифестом нигилизма 1860 гг.

Ключевые слова: Николай Соколов, журналистика XIX в., утопия, нигилизм, отщепенство

Утопический нигилизм в общественной жизни России во второй половине XIX в.

Утопическая социальная мысль оказала значительное влияние на российское сознание всей второй половины XIX в. В некоторых радикальных формах это выливалось в антигосударственную идеологию анархизма, как это произошло в философии М. Бакунина, представителя одной из первых волн русской политической эмиграции. Совмещение идей общинного социализма с чертами революционного фанатизма формировало мировоззренческое своеобразие нигилизма, оставившего яркий след в сложных общественных отношениях 1860 гг.

В это время популярным в журнальной среде становится французский утопический социализм, идеи которого быстро распространяются в России, преодолевая цензурные препятствия и имея поистине гипнотическое воздействие на читателей: «Оттуда, – писал М.Е. Салтыков-Щедрин, – лилась на нас вера в человечество, отсюда воссияла нам уверенность, что золотой век находится не позади, а впереди нас»¹. Фурьеризмом проникнуты сочинения Н. Чернышевского, Д. Ахшарумова, А. Плещеева, В. Берви-Флеровского, В. Слепцова и других авторов, которые мечтают о социаль-

Александров Леонид Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета, leonalex42@mail.ru

ном изобилии, братстве народов и вечном мире. В демократической публицистике общей темой становится вера в образование, которая позволяет сделать шаг к лучшему обществу. В этом же виделся и смысл «хождения в народ», в котором, по призыву П. Лаврова, с начала 1870 гг. примет участие тысячи молодых российских интеллигентов². Происходило предельное раскрепощение социально-политической мысли России: нигилизм стал чрезвычайно модным, а трактовалась эта позиция весьма широко, связываясь в сознании обывателей почти с любым радикально настроенным демократом-разночинцем. Стиль публицистики был ориентирован на критическое переосмысление и радикальное отрицание почти всех культурных, социальных, нравственных или эстетических норм, препятствующих, по мнению ведущих идеологов эпохи, прогрессивному развитию общества.

Тем не менее нигилизм изначально был весьма противоречивой идеологией. Так, В. Зайцев рассматривал историческую необходимость радикальных общественных преобразований на примере Т. Мюнцера, О. Кромвеля, а также деятелей Великой французской революции. При этом несмотря на то, что соответствующим историческим событиям, в которых они играли ведущую роль, сопутствовали война и террор, публицист видит главную движущую силу такого развития в науке, гуманности, образованности и справедливости. «Нравственные начала, – утверждает он, – становятся силою только тогда, когда приобретают помощь физической силы <...> Без помощи материальной силы нравственные начала не могут восторжествовать. Истине мало быть истиной, чтобы восторжествовать; ей еще, кроме того, нужно распространиться, то есть приобрести такое число адептов, которое превысило бы число противников, обеспечило бы ей перевес материальных сил и доставило бы

ей победу путем физической борьбы, которой не может миновать ни одна истина, как бы нравственна она ни была»³.

Нигилизм 1860 гг. был вызовом общепринятой обывательской нравственности. «Слово нигилизм получило право гражданства сперва как бранная кличка, а потом как гордо принятый ярлык той философской школы, которая одно время занимала самое видное место в русской интеллектуальной жизни...»⁴, – писал С. Степняк-Кравчинский. Оставаясь во многом декларативным и утопичным, нигилизм вместе с тем тяготел к рациональному знанию и естественным наукам. Но общее развитие течения, по мере его широкой критики в легальной прессе и литературе, шло на спад отчасти еще и потому, что оно не сформулировало свою позитивную программу и не стало теоретически законченной системой.

Уступая в полемике защитникам принципов утилитаризма, нигилизм в демократическом движении «семидесятников» либо сам все больше становился «отщепенцем», либо «растворялся» в более организованных социальных течениях. Как бы то ни было, нигилистическая установка на разрушение существующего строя и уничтожение его духовных, моральных и политических ценностей в соединении с утопической мечтой о неизбежной революции все меньше интересовала реалистически мыслящую разночинную молодежь, нравственные цели которой все больше совпадали с главными идеями либерального народничества.

Начало жизненного и творческого пути Н.В. Соколова

Николай Васильевич Соколов родился 16 ноября 1832 г. Он закончил артиллерийское училище и военную академию, будучи прикомандирован к генштабу, выполнял различные дипломатические поручения во многих странах Европы, а также в Японии и Китае. В 1860 гг. был одним из

многочисленных корреспондентов «Колокола» А. Герцена, критически осмысливал в письмах к нему положение дел в восточных губерниях, а затем посетил и самого Герцена, который познакомил его с идеологом анархизма П.Ж. Прудонем. Весьма убедительно предположение М. Лемке о том, что впечатление от бесед с Соколовым частично отразилось в известной статье Герцена «Лишние люди и желчевики» о разночинцах, резко критикующих поколение «отцов».

В Россию из заграничной поездки Соколов привез «запас запрещенных книг» и массу впечатлений от «каждодневного посещения» Прудона.

Будучи еще на службе в генштабе, Соколов был вхож в круг офицеров, находящихся как в дружеских, так и в творческих отношениях с редакцией «Современника». По мнению его знакомых, он уже в тот период обнаруживает склонность к крайнему радикализму, проявлявшемуся в военной прямоте и смелости в выражениях мысли. В это же время он особенно интересуется вопросами политэкономии и после выхода в отставку в 1863 г. начинает регулярно публиковаться в журнале «Русское слово». В ряде статей Соколов высказывает мысль, что «Россия решительно не может идти тем избитым путем экономического развития, которым шли до сих пор западные государства»⁵.

Его утопически-наивные взгляды на возможность радикальных общественных преобразований уже тогда характеризуют Соколова как идейного последователя Прудона с его едким скептицизмом и беспощадным негативизмом. «Прудон не создавал, – писал А. Герцен, – он ломал, он воевал, а главное – он все двигал, все покачивал, все затрагивал, отбрасывая условные уважения, освященные навывок понятия, и принятый без критики церемониал. <...> Это была своего рода ликвидация нравственно-недвижимых имуществ»⁶.

А. Герцен, Н. Чернышевский, М. Бакунин, обладавшие более широким кругозором и теоретической грамотностью, критиковали с разных позиций учение Прудона. Н. Соколов же многие положения его идейной системы абсолютизировал, особенно отношение к собственности как к краже и «лихоимству». В ряде статей, излагавших в доступной форме прудоновскую политэкономия, он защищал как панацею от всех катаклизмов концепции обмена без денег, беспроцентного кредита, «народного банка» и другие идеи, в сущности утопические и в российских условиях нереализуемые.

Влияние Прудона в первых статьях Соколова для «Русского слова» сказывается и в нарочитом индифферентизме к политике, что не было типичным для 1860 гг. и стало заметным лишь у народников-семидесятников. «Политические вопросы о национальности, единстве, парламентаризме и др., – писал он, – которые занимают так называемых публицистов, не понимающих потребностей своего века, совершенно чужды народу; он их никогда не понимал и не поймет, потому что сохранил много здравого смысла и дорожит им. История не повторяется, и политические вопросы отжили свое время»⁷. Столь серьезный радикализм не встречается даже у коллег-нигилистов из «Русского слова» – Д. Писарева и В. Зайцева.

Публицистика Соколова в «Русском слове» представляет собой эклектическое сопряжение прудонизма с идеей крестьянской революции, своеобразно преломленной сквозь призму гуманизма и христианского социализма. Соколов во многом разделял позиции своих коллег по журналу относительно возможности достижения утопических идеалов социализма путем перевоспитания буржуазного общества, так называемым «химическим» путем, по выражению Д. Писарева. Во многом он ориентировался не столько на историче-

ски сложившиеся формы общины, сколько на пропаганду идеи социальной ассоциации, социалистических, «общинных» начал вообще, идущих в русле общественного прогресса, который сам по себе интеллектуально и нравственно противостоит самодержавному строю.

В 1864-1865 гг. Н. Соколов совершает еще одну поездку в Европу, где произносит пламенную речь на похоронах Прудона в Брюсселе. Там он некоторое время работает над книгой «Социальная революция», которую отдает для перевода на немецкий язык своим друзьям из эмигрантских кругов Берна. Выдержки и положения из нее, откорректированные из опасения цензуры, затем войдут в цикл очередных статей для «Русского слова». По сути, книга Соколова излагает русскую версию утопического социализма, выработанную на основе работы Прудона «Что такое собственность?». Лейтмотивом книги становится обличение капитала – религии современного общества и государства как способа обслуживания капитала.

Своеобразно понимая закон трудовой стоимости, Соколов, например, исключает из своей теории понятие «прибыль» и утверждает, что себестоимость всех производимых товаров должна быть равна «общей заработной плате всех рабочих». Он цитирует работу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии и Франции», замечая, что подобные процессы неизбежно должны развиваться и в Германии, и в России: «Мы скоро увидим кровавую войну в сердце общества. Мы живем на почве, которая каждый день может взорваться; этот взрыв так же неизбежен, как механический закон. Глубокая ненависть и стремление к восстанию против имущих становится общим мнением всего рабочего класса и неизбежно приведет к революции»⁸.

Н. Соколов эмоционально, сугубо критически относится к кредитным обществам Шульце-Делича или к системе «государст-

венного коммунизма» Лассалля, квалифицируя их как различные виды «мошеничества». Кардинальная сверхидея социальной революции в книге Соколова не отождествлена с политическим переворотом, а мыслится как всеобщий нигилизм общества в отношении к государству. Всякая политическая конституция или правовое равенство представляется Соколовым завуалированной формой рабства, «социального убийства», точно так же государство мыслится изначально порочным институтом, поскольку воплощает собой «принцип насилия над личностью».

Апология прудоновской утопии растворяется впоследствии в «Экономических иллюзиях» и других публицистических статьях Н. Соколова, порой перемежаясь с проповедью «евангельского социализма». Идея социальной революции, таким образом, будет обретать особую духовную силу и религиозную чистоту. «Что такое учение Иисуса Христа, как не кодекс коммунизма? Иисус Христос и его апостолы проповедовали, чтобы мы владели всем сообща»⁹, – пишет Соколов, и из контекста становится ясно, что христианские ценности воспринимаются автором не в церковно-историческом, а лишь в нравственном аспекте. Отринув христианскую заповедь о непротивлении злу насилием, Соколов представляет Христа первым революционером, народным «мстителем», восстающим против государства.

В 1865 г. Н. Соколов стремится расширить связи с журналами демократического направления. Так, по воспоминаниям Н. Русанова, он предлагает редакции «Современника» свой анализ «Оснований политической экономии» Дж. Ст. Милля, который Н. Чернышевский возвращает Соколову с советом «заниматься вообще публицистикой, а не политической экономией»¹⁰. Осенью этого же года в самой редакции «Русского слова» намечился раскол. Инициатива выхода Зайцева, Благовещенско-

го и Соколова из редакции принадлежала последнему, предложившему «сделать стачку» против «лицемерного» редактора и выдвинуть ему ультиматум на предмет кардинальной реформы редакции.

Кроме того, предлагаемая реформа включала отказ Г. Благодетельского от прав издателя и собственника, а также от дальнейшей издательской прибыли: издержки на издание журнала и общая сумма, получаемая от подписки, должны были быть равными, а весь этот бухгалтерский баланс должен был публиковаться и обсуждаться читателями журнала. Во время конфликта Соколов в резкой форме называл «эксплуататором» не только Г. Благодетельского, но и Н. Некрасова, и, поскольку его позиция оказалась непонятой, покинул редакцию «Русского слова». Д. Писарев, вначале бывший заодно с командой «анархистов», некоторое время колебался, но в конечном счете остался в редакции.

Суд над «Отщепенцами» и дальнейшая судьба Н. Соколова

В связи с делом Каракозова Н. Соколов был подвергнут аресту 28 апреля 1866 г., в результате чего провел несколько месяцев в Петропавловской крепости за сотрудничество в журналах крайнего направления и общения с нелегалами и эмигрантами. Освободившись под тайный надзор в Петербурге, Соколов лихорадочно ищет возможность для дальнейшей публицистической деятельности. На тот момент В. Зайцев пытается организовать свое издательское дело, сотрудничает в газете «Народная летопись» Н. Ахшарумова и журнале «Книжный вестник» Н. Курочкина. Соколов склоняет своего бывшего коллегу по редакции и к совместной работе над книгой «Отщепенцы», и вскоре ее тираж печатается в типографии В. Головина.

Н. Соколов, взявший на себя ответственность за авторство книги, вновь попал в «перделку»: книга была арестована в типо-

графии петербургским градоначальником, а ее автор, отказавшись от адвокатов, вскоре держал защиту в показательном суде по обвинению в преступлениях против веры, власти и нравственности. В своей речи он говорил: «Я проповедую революцию, да, революцию, но какую? Революцию идей, т.е. умственный переворот, перемену образа мыслей, понятий и убеждений на основании науки и совести»¹¹.

Эксперты обвинения доказывали, что книга «представляет сборник самых неистовых памфлетов, имеющих целью подкопать все основы цивилизованного общества», а посему представляет серьезную общественную опасность для «читателей незрелых или легко увлекающихся всякою парадоксальной мыслью»¹². Процесс над «Отщепенцами» стал для Н. Соколова гражданской, публичной акцией, битвой за свои радикальные убеждения, защитой идеи нигилизма и права быть самим собой. После суда не опечатанные полицией листы расходились в рукописях и обретали небывалую популярность. В 1870–1872 гг., благодаря усилиям кружка М. Натансона и М. Чайковского, они были трижды переизданы в эмиграции и переправлены в Россию по линии полулегальной сети издательства «Книжное дело».

Книга, осужденная и запрещенная в России, выполнена в жанре свободного публицистического эссе и излагает учения утопистов от древности до современности. Отщепенцами в ней называют всех непокорных, не согласных с существующим общественно-политическим устройством и мечтающих о «мировой гармонии». В отличие от Ж. Валлеса, чья книга «Отщепенцы» (*Les réfractaires*) подсадила Соколову основную идею и общее направление сочинения, отщепенец – это человек, включенный в общественную жизнь, несмотря на свою непохожесть на других и участь изгоя, «лишнего человека». Его жизнь – это не одиночество художника, от-

шельничество философа или монашество священника. Он борец за идею, уничтожающий общественные предрассудки, которые мешают ему осуществить мечту о лучшей жизни.

Эмигрант М. Сажин впоследствии подтверждал, что Соколов делал книгу в соавторстве с Зайцевым, который составил ее первую компилятивную часть – «Историческое отщепенство», где с текстом Ж. Валлеса есть много «точек пересечения». В первую часть вошли главы «Стоики», «Христиане», «Секты», перемежающиеся с двумя публицистическими эссе «Как пропадают верования» и «Развалины». Вторая часть работы – «Современное отщепенство», где речь идет в основном о Фурье и Прудоне, – написана непосредственно Н. Соколовым, истово мечтавшим «обратить в социализм» радикально настроенную молодежь¹³.

«Отщепенцы», в понимании Соколова, – одиночки, восстающие против любой несправедливости. Общество узнает их по прирожденному нигилизму, «несмотря на их имена – прославленные или обесславленные, громкие или безвестные, памятные или забытые среди грохота революций и битв или среди холода и голода грязных улиц <...> отщепенец – профессор, сбросивший свою мантию, – офицер, променявший мундир на цветную рубашку волонтера, – адвокат, пошедший в актеры, – священник, сделавшийся журналистом»¹⁴. По мысли автора, отщепенцы в обществе, утратившем веру в свои силы, – это «единственные верующие в нем люди», конфликтующие с рутинной и фанатично протестующие против нравственного разложения во имя вечных идеалов правды и добра.

Исторический спектр протестных европейских религиозных и социальных движений в книге достаточно разнородный, но авторы проявляют некоторую избирательность, стремясь «привязать» их ведущих идеологов к нигилистическим настроениям

русской интеллигенции 1860 гг. Ошибка же деятелей Великой французской революции авторам видится в том, что между «отрицателями» не было прочного союза, и, сперва нападая сообща на старый порядок, они разделились потом на отдельные партии и секты, ослабившие свои силы в ходе разногласий и споров: «Отщепенцы были правы, когда <...> отвернулись от этих новых практиков и отвергли всякий союз с политической мудростью, предоставив пользоваться ею грабителям и лихоимцам в новой шкуре»¹⁵.

В идеалах современных утопистов, по мнению Соколова, не все безукоризненно верно, в них много фантастического, мечтательного и даже ошибочного, и это не удивительно, потому что они намечают только «приблизительный очерк» общества будущего, в котором «на развалинах старого порядка» учреждается новый строй, а насилие и грабеж заменяются свободой и взаимностью. «Эти бойцы – апостолы XIX века, – пишет Соколов, – несмотря на видимое разнообразие школ, на которые распался социализм, тем не менее, значение и направление их одно и то же. Все социалисты проповедают свободу, равенство и братство, все восстают против плутократического порядка, все отрицают его единодушно, <...> все желают и требуют прекращения грабежа и насилия»¹⁶.

Утопическая риторика прорывается к читателю с каждой страницы «Отщепенцев». Ценность Фурье автору видится в том, что он открыто провозгласил право граждан на труд и декларировал ценность рабочих ассоциаций, не подозревая, что практики впоследствии исказят эту мысль. Из учения же Прудона Соколов берет то, что созвучно его убеждениям революционного демократа, а именно: пафос неприятия экономической эксплуатации человека человеком. Такая позиция неизбежно ведет, как отметили цензоры на суде, к «идее неограниченного равенства и коммунизма».

Получив шестнадцать месяцев тюрьмы, Н. Соколов отбыл полный срок наказания, но вместо освобождения получил «в добавку» распоряжение о препровождении в бессрочную ссылку в Архангельскую губернию. Оттуда после безуспешных прошений о переселении в Соединенные Штаты он бежит с помощью знакомых контрабандистов через северную границу и прибывает в Швейцарию. Вместе с Зайцевым он участвует в жизни русской революционной эмиграции, а в ходе ее идейно-теоретического раскола на сторонников Лаврова и Бакунина в 1873 г. встает на сторону последнего. Он вступает в острый конфликт с В. Смирновым, сотрудником лавровского журнала «Вперед», но порой высказывает иронические замечания и по поводу Бакунина. А. Росс вспоминал, что Н. Соколов сохранял в эмиграции нейтралитет и «не принадлежал ни к какому ярко выраженному течению»¹⁷.

В 1874 г. Соколов открыто игнорировал предложение русского правительства о возвращении в Россию в течение полугодового срока. Вместо этого он перебирается в Париж и оставляет активную политическую деятельность. Он участвует в составлении словаря, занимается случайными переводами, редкими (в отличие

от В. Зайцева) статьями в «Русских ведомостях» и других эмигрантских изданиях, становится одним из основателей Русской библиотеки в Париже, открывшейся в 1878 г. По-видимому, Соколов осознал всю наивность анархического пренебрежения к завоеванию политической свободы, в особенности в применении к России. Два политических памфлета 1877 г. в «Общем деле» – «Генеральный грабеж» и «Придворный грабеж» – последние яркие публицистические сочинения Соколова в нигилистическом духе.

К своему здоровью Н. Соколов относился как последовательный разрушитель. Он жил в нужде, недоедал; еще в ссылке, пережив холерную эпидемию, пристрастился к алкоголю. Умер «старейший революционер» от простуды в Париже в 1889 г. Будучи неординарной личностью, склонной к эпатажу и фрондерству, в годы расцвета своей публицистической деятельности он находился в центре общественной жизни, но затем был незаслуженно забыт и вытеснен из истории журналистики более талантливыми современниками. Точно так же довольно скоро ушла из идеологического и публицистического обихода и сама позиция нигилизма, приверженцем которой мыслитель оставался всю жизнь.

* * *

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом / Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. М., 1965. Т. 14. С. 45.

² Геллер Л., Нике М. Утопия в России // ModernLib.ru>books/geller_leonid/utopiya_v_rossii...

³ Зайцев В.А. Русская революция / Прометей. М., 1966. С. 68.

⁴ Степняк-Кравчинский С. Подпольная Россия / Степняк-Кравчинский С. Соч.: в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 3.

⁵ Цит. по: Кузнецов Ф.Ф. Публицисты 1860-х годов // lib.rus.ec>Книги>193271/read

⁶ Герцен А.И. Лишние люди и желчевики / Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1958. Т. 14. С. 320.

- ⁷ Соколов Н. Чего не делать? Цит. по: Кузнецов Ф.Ф. Указ. соч.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Варустин Л.Э. Журнал «Русское слово». 1859–1866. М., 1966. С. 37.
- ¹⁰ См.: Русанов Н.С. В эмиграции. М., 1929. С. 21.
- ¹¹ Соколов Н.А. Автобиография. Цит. по: Кузнецов Ф.Ф. Указ. соч.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: Сажин М.П. (Арман Росс) Воспоминания 1860–1880-х гг. М., 1925.
- ¹⁴ Соколов Н.В. Отщепенцы / Шестидесятники / Сб. ист. публицистики писателей 60-х годов XIX века об истории русской революционно-демократической печати. М., 1984. С. 167.
- ¹⁵ Там же. С. 269.
- ¹⁶ Там же. С. 277.
- ¹⁷ См.: Сажин М.П. Указ. соч. С. 39.